

## КОМИ ЯЗЫК И ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: ГЛАГОЛЫ ПАДЕНИЯ<sup>1</sup>

**Е.В. Кашкин,**  
научный сотрудник  
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

### *1. Введение*

Статья посвящена семантике глаголов падения в коми языке в типологическом аспекте. Глаголы этой зоны описывают неконтролируемое движение сверху вниз без контакта с поверхностью в процессе движения (ср. рус. *упасть, свалиться, опрокинуться, рухнуть, вылиться, осыпаться*,

---

<sup>1</sup> Исследование поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476.

*шлепнуться* и др.). Несмотря на обширный интерес лингвистов к глаголам движения, глаголы падения, будучи важным их подклассом, долгое время оставались на периферии исследований.

Данная работа включена в направление лексической типологии, которая изучает межъязыковое варьирование структуры семантических полей, ср. проекты по изучению глаголов плавания (Майсак, Рахилина (ред.) 2007) или температурных выражений (Koptjevskaja-Tamm (ed.) 2015). Мы следуем фреймовому подходу к лексической типологии, обобщенному в работе Е.В. Рахилиной и Т.И. Резниковой и предполагающему сочетаемостный анализ лексем как базу их семантического описания (Рахилина, Резникова 2013).

Наше исследование выполняется в рамках типологического проекта, о первых результатах которого см. (Кузьменко, Мустакимова 2015; Reznikova, Vugenkova 2015; Кашкин, Плешак 2015; Кашкин и др. 2015). На текущий момент проект учитывает данные 23 языков (славянских, германских, романских, уральских, алтайских, кавказских и др.).

Материал статьи собран в 2015-2016 гг. в ходе полевой работы с носителями ижемского диалекта в Ямало-Ненецком АО (села Мужи, Овгорт, Самбург, отдельные примеры от носителей, проживающих в с. Белоярск и в г. Салехарде). Собранный материал сопоставлялся с доступной в словарях информацией о литературном языке и о других диалектах, но результаты этого сопоставления не обсуждаются в данной статье подробно.

Мы рассматриваем прямые употребления глаголов падения (ср. рус. *Мальчик упал с дерева; Бутылка упала на пол*), ориентируясь в первую очередь на имеющуюся систему признаков (Кузьменко, Мустакимова 2015). Нестандартные для этой системы явления коми языка будут обсуждаться отдельно. Метафорические расширения (ср. рус. *Курс рубля падает*) не рассматриваются в этой статье, за исключением отдельных случаев, наиболее важных для нашего изложения.

## 2. Базовые глаголы падения

### 2.1 Доминантный глагол: *усьны*

Базовым глаголом падения в обследованных идиомах является лексема *усьны*. Именно она является нейтральной для описания падения человека или животного: *Мужык усис мушку вылас* ‘*Мужчина упал на спину*’ (с. Самбург). Она же характеризует падение субъекта с одной поверхности на другую: *Картопельыс пызан кузяыс тыраліс и усис нос вылас* ‘*Картофелина покатила по столу и упала на пол*’ (с. Самбург).

Глагол *усьны* не налагает ограничений на тип начальной точки. Помимо падения с одной поверхности на другую, он может описывать выпадение

ние субъекта из контейнера: *Джидэж усис позсьыс* ‘Птичка **выпала из гнезда**’ (с. Овгорт); из плотной среды (например, о зубе из десны) ср: *Челдыдъыслэн усис том пиньыс* ‘У ребенка **выпал молочный зуб**’ (с. Самбург); падение с подвеса: *Яй пёртнум усема крющоксьыс, колэ кытэдны* ‘Наш котел для мяса **упал с крючка**, надо поднять’ (с. Самбург); или из положения вокруг к.-л. объекта: *Менам чуньсьыс уси чунькытши* ‘У меня с пальца **упало кольцо**’ (с. Овгорт). Этот же глагол характеризует падение субъекта, сопровождающееся его отделением от того объекта, к которому он прикреплен: *Визьлысян усема стенсьыс* ‘Зеркало **упало со стены**’ (с. Самбург).

Глагол *усьны* применим в обследованных говорах и к выпадению осадков (*Лым усэ* ‘Снег идет (букв.: падает)’ – с. Овгорт). По отношению к дождю более естествен глагол *зэрны* ‘идти’ (о дожде), но и возможность использования глагола *усьны* не отвергается опрошенными носителями.

Наконец, глагол *усьны* описывает местоположение ниже нормального уровня (*Юрси усэ син вылам* ‘Волосы падают мне на глаза’ (с. Самбург)).

## 2.2. Падение из вертикального положения: *пёрны*

Еще один глагол – *пёрны* – характеризует падение из вертикального положения в горизонтальное (например, таких субъектов, как бутылка, забор, стол, падающая на бок нарта), сравните: *Ме гырдыанам вёрзеді сулиясэ, и сулияыс пёрис / #усис*<sup>1</sup> ‘Я задел локтем бутылку, и **бутылка опрокинулась**, оставшись при этом на столе (с. Самбург)’ vs. *Сулияыс усис / \*пёрис пос вылэ* ‘**Бутылка упала** на пол со стола (с. Самбург)’; *Поскыс бероо, да пызаныс пёри* ‘Пол косой, и **стол опрокинулся**’ (с. Мужи). В данном случае коми язык отражает типологически частотную оппозицию. Интересно при этом, что глагол *пёрны* обычно не применяется к человеку, так как его падение обычно описывается глаголом *усьны*.

Некоторые контексты допускают вариативность глаголов *пёрны* и *усьны*. Так, они оба применимы к падающему дереву или столбу: *Топыд тёдсьыс нияыс пёрис / усис* ‘От сильного ветра **лиственница упала**’ (с. Самбург); *Кыддьыс сисьмема и пёрэма / усема* ‘**Береза сгнила и упала**’ (с. Мужи). Можно предположить, что глагол *усьны* равнодопустим здесь с *пёрны* как результат метонимического переноса, изначально описывающего падение верхушки на наблюдателя, затем – падение целого дерева или столба. Некоторые опрошенные информанты предлагают другую интерпретацию, понимая глагол *усьны* как указывающий на завершённое падение, а глагол *пёрны* – как на незавершённое падение, наклон: *Пуыс*

<sup>1</sup> Глагол *усьны* возможен в этом предложении, но тогда оно будет означать, что бутылка упала с одной поверхности на другую, например со стола на пол.

*тай нёрэма, абу пыр-пырэдь му вылас* ‘Дерево наклонилось, не до конца к земле’ (с. Мужи), *Потшэсыс нин зэй важемема, и сыа нин нёрэма* ‘Забор уже совсем постарел, и он уже покосился’ (с. Овгорт).

### **2.3 Жидкости, сыпучие вещества, множественные субъекты: *киссьыны***

В коми языке значения ‘литься’ и ‘сыпаться’ выражаются одним и тем же глаголом – *киссьыны*: *Ва киссье* ‘Вода льется’ (с. Мужи); *Пызьыс киссьис* ‘Мука просыпалась’ (с. Мужи). Только в зоне жидкостей противопоставляется падение массы ‘литься’ и отдельных квантов ‘капать’, последнее значение выражается глаголом *виёоны*, не сочетающимся с названиями сыпучих веществ.

Интересно, что глагол *киссьыны* распространяется на некоторые контексты падения множественного субъекта (например, спелой морошки, листьев с дерева, шишек с кедра, а также зубов): *Арнас корьясыс пуяссъыс киссьеныс* ‘Осенью листья с деревьев падают’ (с. Мужи); *Пёрысь дедлэн став пиньыс нин киссьисныс* ‘У старого дедушки все зубы уже выпали’ (с. Овгорт). В таких контекстах возможен и глагол *усьны*. В свою очередь, глагол *киссьыны* не используется с единичным субъектом: *Дедэлэн водь пиньыс усис / \*киссьис* ‘У моего дедушки передний зуб выпал’ (с. Овгорт).

Поскольку типологически зона множественного субъекта падения изучена пока не очень подробно и данные коми языка вносят вклад в понимание ее устройства, сочетаемостные ограничения глагола *киссьыны* оказываются не вполне тривиальны. Так, этот глагол нельзя употребить по отношению к множеству дискретных крупных предметов (например, о падении чашек со стола или людей из лодки): *Пызан выысьыс став чашикаясыс усисныс/\*киссьисныс и жугласисныс* ‘Со стола все чашки упали и разбились’ (с. Мужи), и в целом он связан с падением множеств, структура которых приближена к сыпучей массе. Вместе с тем лексема *киссьыны* не применяется к таким субъектам, как волосы и шерсть: *Дедэлэн став юрсиыс усема/\*киссьема* ‘У дедушки все волосы выпали’ (с. Мужи). Из этой закономерности можно усматривать исключение – приведенный выше контекст выпадения зубов у пожилого человека. Его, однако, можно связывать с другой особенностью семантики *киссьыны* (это соответствует и языковой интуиции некоторых информантов) – сдвигом данного глагола в контексты обветшания/разрушения (см. раздел 3.3). Тем самым в выборе лексем *киссьыны* для описания множественного субъекта сложным образом взаимодействует целый ряд факторов: степень дискретности субъекта, наблюдаемость падения как единого процесса, разрушение субъекта в процессе падения.

### 3. Смежные классы

Для семантической зоны падения отмечается смежность с другими семантическими полями. В некоторых случаях она проявляется в полисемии лексем (ср. сдвиг рус. *полететь с лестницы* в семантику падения). Иногда смежность полей отражается в конструкционном варьировании, см. (Кашкин, Плешак 2015) о вариативности управления типа *шмякнуться на что-л.* vs. *о что-л.*: в первом случае глагол используется в той же конструкции, что и глагол *упасть*, а во втором случае – в той же, что и глагол *удариться*. В этом случае происходит сближение зон падения и удара, поскольку конструкции обеих зон реализуются у одной и той же лексемы. Такие примеры поднимают целый ряд интересных вопросов к типологии – в частности, о том, какие ситуации падения описываются глаголами, смежными с другими полями, какие именно поля смежны с полем падения и как эта смежность проявляется в языке. Рассмотрим далее вклад коми языка в решение этих вопросов.

#### 3.1 Утопление

Е.А. Кузьменко, Э.Г. Мустакимова в качестве периферии зоны падения рассматривают контексты проваливания в слой или под к.-л. поверхность (ср. рус. *провалиться в снег, под лед*) (Кузьменко, Мустакимова 2015: 149–160). В коми языке такие контексты покрываются глаголом *вöйны*, этимологически (Лыткин, Гуляев 1970: 66) означавшем ‘тонуть’: *Ме тидесэде вöйи теликас* ‘Я по колено провалился в сугроб’ (с. Самбург), *Ме вöйи йи улэ* ‘Я провалилась под лед’ (с. Овгорт). Поведение глагола *вöйны* интересно сопоставить с его русским переводным эквивалентом *провалиться*, а также с мокшанским когнатом *vajats* ‘тонуть, провалиться’. Русский и мокшанский глаголы, помимо упомянутых контекстов, используются в ситуации падения в отверстие (например, если человек провалился в яму или монетка провалилась в щель в полу). В свою очередь, глагол *вöйны* в таких контекстах не употребляется: он может сочетаться с конечной точкой – названием отверстия, но тогда внутри этого отверстия должна находиться жидкость или топкое вещество, что необязательно для русского или мокшанского глаголов. Так, предложения типа *Пемьднас ме вöйи гöптас* ‘В темноте я провалился в яму’ (с. Овгорт) возможны, по оценкам информантов, только если яма заполнена водой или какой-либо топкой массой.

Таким образом, коми язык, во-первых, демонстрирует связь периферийных (в рамках типологической схемы) контекстов падения с зоной утопления, а во-вторых, при сопоставлении с материалом других языков помогает выявить не учтенную ранее точку типологического варьирования – контекст падения в отверстие. Полисемия этого глагола высвечивает и

проблемную точку типологической анкеты: если в зону падения включаются контексты проваливания в снег, в целом укладывающиеся в общее понимание этой зоны, но предполагающие контакт субъекта с внешней средой, то, не исключено, следует рассматривать в этой же зоне и глагол ‘тонуть’, точно так же описывающий неконтролируемое движение вниз внутри плотной среды.

### 3.2 Звук

В типологическом исследовании глаголов звука (Kashkin et al. 2012) отмечалась смежность поля падения с обозначениями ситуаций появления звука. Лингвистически это проявляется на конструкционном уровне, ср. приведенные в (Kashkin et al. 2012) немецкие примеры *Als er fiel, hat es wirklich geplumpst* ‘Когда он упал, **раздался** сильный **грохот**’ и *Der Sack plumpste auf den Boden* ‘Сумка **грохнулась** на пол’. Глагол звука *plumpsen* во втором примере наследует валентность конечной точки из фрейма падения. Такие примеры встречаются и в коми языке: *Кӧрт усяс да брингысяс* ‘Железо упадет и **брякнется**’ (с. Мужи) vs. *Восьтанъяс брингысисныс поскас* ‘Ключи **брякнулись** на пол’ (с. Мужи). В первом примере глагол *брингысьны* ‘брякнуться’ описывает звук соударения небольшого металлического предмета с конечной точкой падения, а во втором примере он сам приобретает валентность конечной точки и конструкционно сдвигается в класс падения. Сам выбор глагола звука регулируется при этом параметрами, свойственными для поля звука, – это акустические характеристики звука, тип субъекта, тип ситуации и др., см. (Kashkin et al. 2012).

Некоторые глаголы коми языка обозначают одновременно падение и сопутствующий звук. Наиболее интересен в этом отношении глагол *бузгысьны*. Он может аналогично русскому ‘бултыхнуться’ описывать падение тяжелого предмета в воду: *Сьӧкыд изйыс бузгысис ваас* ‘**Тяжелый камень бултыхнулся** в воду’ (с. Мужи). Наряду с этим глагол *бузгысьны* применяется к шумному падению самой воды: *Ваыс тай бура бузгысис кыське* ‘**Вода сильно выплеснулась** откуда-то’ (с. Мужи), а также, что примечательно, встречаются примеры его использования в ситуации шумного падения сыпучей массы: *Бура тай панолыс бузгысис* ‘**Сильно крупа высипалась**’ (с. Мужи). Тем самым идея лексического объединения жидкостей и сыпучих веществ, реализующаяся в семантике базового глагола *киссьыны* ‘литься, сыпаться’, проявляет себя и в области идеофонных глаголов, обозначающих падение со звуком.

### 3.3 Разрушение

Согласно типологическим данным, особым типом ситуации является падение в процессе разрушения, ср. рус. *дом рухнул; берег обвалился; ста-*

*рый мост обрушился*. Материал коми языка соответствует этому предсказанию, но одновременно в этой зоне развивается не обсуждавшееся ранее в типологии противопоставление между падением и одновременным разрушением, с одной стороны, природного объекта и, с другой – артефакта. В рассмотренных нами идиомах используется глагол *буждыны*, описывающий обрушение берега, массы снега, земли, камней: *Киеватын берегыс зэй буждэ, ин мун матэ, усян ваас* ‘В Киевате берег очень **осыпается**, не подходи близко, упадешь в воду’ (с. Мужи); *Ваас буждӱсныс изьясыс бергьсыс* ‘В воду **обвалились** камни с берега’ (с. Мужи). Что же касается артефактов, например дома или моста, то к ним глагол *буждыны* в рассматриваемых нами говорах не применяется. Их падение, сопровождающееся разрушением, описывается доминантной лексемой *усьны* ‘падать’, либо эта ситуация сдвигается в смежный фрейм и характеризуется глаголом *жугласьны* ‘ломаться, разрушаться’. Заметим, что в коми диалектах глагол *буждыны* развивает, по данным (КСК 2012: 112), и другие значения из зоны разрушения, уже не ограниченные, как в говорах зауральских ижемцев, природными объектами: ‘износиться, обветшать’ (об одежде); ‘развалиться’ (например, о доме). С другой стороны, тот же диалектный словарь фиксирует у этого глагола переносное значение ‘родить’, развитие которого можно связывать уже с фреймом перемещения. Оно известно и некоторым пожилым носителям говора с. Мужи, хотя и оценивается ими как устаревшее: *Абу на буждэма* ‘Не **родила** еще’ (с. Мужи). В целом, вся семантическая сеть глагола *буждыны* в диалектах коми языка указывает на смежность семантических зон падения и разрушения.

Связь с зоной разрушения обнаруживается у глагола *киссьыны* ‘литься; сыпаться’. Этот факт уже был упомянут в разделе 2.3 в связи с тем, что контекст выпадения многих зубов, характерный для этого глагола, иногда связывается носителями именно с идеей разрушения. Помимо этого, глагол *киссьыны* развивает значения ‘износиться, изорваться’ (об одежде), ‘развалиться’ (например, о старом доме): *Эта дӱрэмьслы комын во, сьа ставнас киссьис, сіе колэ шыбитны* ‘Этой рубашке тридцать лет, она вся **изорвалась**, ее надо выбросить’ (с. Белоярск); *Керкаыс важ нин и киссье* ‘Дом старый уже и **разваливается**’ (с. Овгорт). В контекстах деформации с узко ограниченной локализацией глагол *киссьыны* не используется. Можно предполагать, что такая ситуация более далека от падения объемной сыпучей массы, чем разрушение субъекта на большой площади: *Менам вьль дӱрэме косясис / \*киссьис: ме тӱрмаси и кӱрттуе ерми* ‘У меня новая рубашка **порвалась**: я торопился и зацепился за гвоздь’ (с. Белоярск).

### 3.4 Вращение

Еще одним классом, смежным с зоной падения, оказываются глаголы вращения. Связь этих зон отмечалась в других языках, ср. мордовский глагол *велямс*, означающий в мокшанском языке ‘падать, опрокидываться’, а в эрзянском – ‘кружиться’ (например, в танце или о листьях). В коми языке смежность зон падения и вращения проявляется в системе метафор. Глагол *пӧрны*, исходно описывающий падение из вертикального положения (раздел 2.2), продуктивно развивает значение ‘превращаться во что-л.’: *Вабыс пӧрис йиэ* ‘Вода превратилась в лед’ (с. Самбург); *Детинаыс пӧрис ыджыд морт вылэ* ‘Мальчик превратился во взрослого человека’ (с. Самбург). В то же время, метафоры превращения свойственны и для глагола *бергеччыны* ‘повернуться, перевернуться’: *Мойдас детинаыс бергеччис теляэ* ‘В сказке мальчик превратился в олененка’ (с. Самбург). Встречаются такие метафоры, согласно (Круглякова 2010), и у глаголов вращения в других языках, ср. в английском *to turn green*. Надо заметить, что в коми языке возникает дифференциация между метафорами превращения из двух смежных зон: для глагола *пӧрны* такие употребления весьма продуктивны и, по нашим данным, не несут дополнительной окраски, тогда как для глагола *бергеччыны* они сводятся к ситуациям быстрого превращения, часто в сказочных контекстах.

### 4. Итоги

Итак, коми язык, в целом укладываясь в типологическую схему, демонстрирует ряд особенностей устройства глаголов падения. Во-первых, это неоднородность контекстов падения из вертикального положения (объекты типа дерева с верхушкой выше наблюдателя могут описываться не только специальным глаголом *пӧрны*, но и более общим глаголом *усьны*). Во-вторых, одна и та же лексема передает значения ‘литься’ и ‘сыпаться’, захватывая также некоторые типы множественных субъектов. В-третьих, в зоне падения с разрушением противопоставлены природные объекты и артефакты. Кроме того, наш материал демонстрирует лингвистическую смежность глаголов падения с другими семантическими зонами (утопление, разрушение, звук, вращение), проявляющуюся в полисемии, сочетании элементов значения (глаголы падения со звуком) и конструкционном варьировании. Отметим, наконец, перспективу и необходимость дальнейшего применения типологического подхода к детальному исследованию лексики коми языка.



\*\*\*

Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёр-нисикас кывчукör / Словарь диалектов коми языка : в 2 т. – Сыктывкар: Кола, 2012. – 1096 с.

Глаголы движения в воде: лексическая типология / под ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. – М.: Индрик, 2007. – 752 с.

Кашкин Е.В., Жорник Д.О., Закирова А.Н., Кожемякина А.Д., Плешак П.С. К лексической типологии глаголов падения: данные уральских языков // Двенадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей : тезисы докладов (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2015 г.). – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 41–44.

Кашкин Е.В., Плешак П.С. Идеофонические глаголы падения: семантические наблюдения и перспективы типологии (корпусное исследование) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 137–142.

Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе : дис. ... канд. филол. наук. – М.: РГГУ, 2010. – 350 с.

Кузьменко Е.А., Мустакимова Э.Г. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе // Типология морфосинтаксических параметров. – М.: МПГУ, 2015. – Вып. 2. – С. 149–160.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – 986 с.

Рахилина Е.В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 3–31.

Kashkin E.V., Reznikova T.I., Pavlova E.K., Luchina E.S. Verbs describing sounds of inanimate objects: towards a typology // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18) : в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2012. – С. 227–236.

Linguistics of temperature / Ed. M. Koptjevskaja-Tamm. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015. – 934 p.

Reznikova T., Vyrenkova A. Semantics of falling: a cross-linguistic approach // HSE Working Papers. Series: Linguistics, WP BRP 40/LNG/2015. Электронная публикация. – URL: <https://www.hse.ru/data/2015/12/29/1136293661/40LNG2015.pdf>.